

Мастер-класс по Каллиграфии: Терпение и постоянство

Мэй Фэн

Мэй в последнее время зачастили нагружать мастер-классами. Видимо, требовалось отработать за все то время, что она халевила с занятиями и тренировками. Ну что ж, отказывать мастеру Бао было бы в высшей степени глупо и невежливо, да и занятия вести ей даже нравилось. Особенно та часть, когда ей надо было за день-два придумать идею и все подготовить. В этот раз в качестве предмета она выбрала каллиграфию. Думать, что предложить в качестве задания, долго не пришлось - медитативное занятие само по себе непростое, позволяет отгородиться от мира и от текущей бытовухи. Наверно, за это Мэй и любила каллиграфию - за минуты полного покоя и погружения в неторопливое движение кисти.

Занятие было назначено в храме, в зале для тренировок были постелены циновки и поставлены лотки с песком и длинными тонкими палочками для письма. Никакого другого инвентаря, собственно и не требовалось. Мэй по обыкновению ждала учеников на своем месте, перед таким же лотком.

- Нимэнь хао, - поздоровалась она со всеми пришедшими, - сегодня мы займемся кайшу. Это, пожалуй, самый четкий и строгий стиль письма из тех, что распространены сегодня. Он требует крайней четкости и аккуратности линий и точности движений кисти. Но чтобы было попроще новичкам, начнем мы с практики на песке. Вот, что вам сегодня предстоит повторить, - с этими словами она показала собравшимся лист бумаги с большой и четкой горизонтальной чертой с чуть утолщенными концами, - эта черточка называется "хэн", и это один из базовых элементов иероглифического письма. Довольно простой с виду, даже слишком простой, что ж, посмотрим, как вы с ним справитесь. Ваша задача - начертать его ровно и четко на песке двадцать раз подряд. Если одна черта сойдет и будет неровной или неправильной - стирайте все и начинайте сначала. Во время занятия, пожалуйста, соблюдайте тишину, чтобы не мешать себе и своим товарищам.

С этими словами Мэй снова опустилась на свое место, взялась за стэк и принялась за то же самое упражнение.

Мастер-класс отписывается одним постом. Участие в мастер-классе допускается при уровне владения Каллиграфией до Послушника включительно. Занятие продлится до 20:00 27.09

Киан Бреди

На мастер-класс по каллиграфии Киан считал, ему необходимо сходить, уже для того, чтобы меньше ошибаться при написании офуд. При этом Киан понимал, что мастер-класс скорее всего будет состоять из монотонного записывания одного и того же иероглифа. Но также он понимал, что для развития своих навыков, он обязан переступить через себя, а главным образом через свою лень и ненависть к

записыванию ненужной информации. Прийдя на занятие в зал для тренировок в Храме Будды, он поклонился мастеру Мэй Фэн, именно она сегодня будет проводить это занятие. Выслушав задание, Киан понял, оно было практически таким, как он и ожидал. Это его не слишком расстроило так как морально к чему то подобному он был готов.

Взяв палочку, Киан присел на одну из циновок лицом к лотку с песком. Про элемент иероглифов "хэн" Киан знал, благодаря офудам и неплохо умел изображать его на бумаге, но вот насчет песка он не был уверен. Одна черта, вторая черта... На одиннадцатой Киан сбился, рука дернулась, можно было конечно стереть только неудавшийся элемент. Но Киан стер весь ряд, потому что не видел смысла обманывать учителя, ведь он писал это для себя. Так что он начал ряд заново, перед этим постаравшись успокоится, но на семнадцатой черте Киан опять ошибся, слишком жирная черта получилась. Киан потратил минут пять для того, чтобы успокоится и стать хоть немного расслаблений, так как это по его личному опыту важнее всего для правильного написания иероглифов. В третий раз Киан уже не так волновался, потому что для себя решил, пока не напишет эти двадцать черточек отсюда не уйдет.

- *Получилось*, - облегченно подумал Киан, дописав двадцатый элемент "хэн". Поблагодарив сифу Фэн за проведенное занятие, Киан ушел с мастер-класса. За это небольшое занятие Киан по своим внутренним ощущением устал так, как будто тренировал минимум полдня рукопашный бой. С другой стороны Киан был рад, что он хоть и не с первой попытки, но написал эти черточки. А это значит у него получилось, перебороть свою лень и другие проблемы своего характера.

Анатолий Васильев

На мастер-класс парнишка шёл, а точнее, бежал (в крайнем случае - летел) как попрыгунчик, с трудом сдерживая своё нетерпение научиться тонкому искусству каллиграфии. И в самом деле - хоть и китайский язык устно юноша знал на уровне разговора, но вот с письменным китайским у него хромало, а поглубже - ломалось. Каждый раз, смотря на какую-либо китайскую надпись, ученика смущало то, что надписи как бы геометрические - одни линии да линии, но насчёт перевода Анатолий довольно-таки неплохо переводил, хотя многие фразы фактически не знал.

Если рассуждать по логике -занятие должно было проводиться в учебной комнате храма Будды, но почему-то проводилось в тренировочной комнате. На мастер-классе клинками что ли чертить по дереву будем? Нет уж, извините, навряд ли найдутся люди-профи и по вакидзаси(оно вполне подходило в роли клинка), и по каллиграфии одновременно. Надо выбирать что-то одно. Однако на подходе было ясно, что махать мечами тут не придётся - в комнате были аккуратно разложены циновки и небольшие " лодочки " с песком. Мастер-класс проводил сифу, а лучше - наставник Анатолия. Его это обрадовало, однако не много ли ответственности берёт на себя мастер Фэн? Не много ли мастер-классов она провела? Дайте же ей нормально отдохнуть, она же не робот!

Хэн - черта с толстыми концами на конце... Вот блин, неужели отдельные символы даже в каллиграфии есть?! В голове прольснула мысль об уходе, но тут же была подавлена невежливостью со стороны самого парнишки и дурная слава в самом монастыре плюс усугубление отношений с наставницей. А это всё равнялось

ухудшению авторитета в Храме. А ведь никто этого не хотел, но хочет, и не будет хотеть!

Задания было вполне внятным и понятным, однако с первого взгляда легко было угадать, что занятия идёт на упрямость и упорность. Ну а что - двадцать раз чертить один и тот же иероглиф надоеет всем, поэтому... ну, в общем вы поняли, не хочу запутывать. Выбрав отдельную лодочку с песочком, Анатолий принялся с головой погружаться в геометрию, а точнее, приближаться к основе мастер-класса.

Взяв палочку, парнишка принялся чертить, а правильнее - писать ту самую хэн. С первого раза получилось как-то коряво, со второго - чуть лучше. Первая черта есть. Осталось девятнадцать...

Вторая черта казалась уже вполне внятной, как и последующие три. На шестой черте юноша сбился - внезапно сдвинулась рука. Придётся начинать сначала...

- Раз, два, три... - почти шёпотом принялся считать юноша, - четыре, пять...

На десятой черте хэн оказалось кривой. Снова в начало...

Первая черта, вторая, третья... концы четырнадцатой черты оказались тонкими.

Первая, вторая... восемнадцатая... девятнадцатая черта снова оказалась корявой. Давай, Анатолий, напрягись!

Десятая, одиннадцатая, двенадцатая... и... двадцатая... есть! Наконец-то! Хотелось просто прыгать от радости, как кузнецик, но при народе как-то невежливо будет... Оставив на песке снизу своё имя, написанное иероглифами, ученик попрощался с сифу Фэн и направился в сторону выхода. Радость до сих пор бурлила изнутри, но свои эмоции парень умел сдерживать, несмотря на свою вспыльчивость.

Стивен Фостер

Стивен относился к каллиграфии... никак он к ней не относился. Он средненько рисовал, а писал и вовсе как курица лапой. Но вопрос идти или не идти на мастер-класс в принципе не стоял. Мальчик дотошно соблюдал все правила и посещал все мастер-классы, так как очень ценил всё то, что узнавал на них. Да и как можно не ценить? Когда он читал серию книг про Гарри Поттера, он удивлялся, как тот небрежно отнесся к магии. Это же так интересно! Сейчас он сам оказался на месте этого мальчика, и вел себя совершенно по-другому. Удивительные знания предлагали ему, и он с благодарностью этим пользовался.

Полученное задание, возможно, для кого-то было простым, но не для Стивена. Он решил, что просто надо набить руку. Начертишь эту палочку сто раз - и будет само собой получаться. Это как сложный уровень в игре: если достаточно долго играть, то рано или поздно ты будешь нажимать кнопки на джойстике на автомате, не думая.

Мальчик начертил плохонькую кривенькую черточку - оказалось, рисовать на песке не так уж просто. Стер. Снова нарисовал. И снова стер. По его мнению, легче было сразу наклепать столько, сколько влезло бы по площади, чем каждый раз стирать,

но мастер сказала стирать, значит, он будет именно так и делать.

К десятой черточке дела пошли на лад... Ан нет, показалось. Одиннадцатая была похожа больше на червя, а не на часть иероглифа. Так что понадобилось не менее пяти десятков повторений, чтобы что-то стало получаться. И вдвое больше - чтобы получаться стало хорошо.

Стивен видел, что другие справлялись лучше и быстрее, но - увы, даже если он старался изо всех сил и медленно вел палочку для письма, это не было гарантией хорошего результата. Так что не стоило тратить время и вырисовывать каждую с высунутым языком. Лучше отточить движение, в результате которого и рисуется эта самая "хэн". Или этот самый.

Закончил задание Стивен, едва-едва уложившись во времени. Да, пусть не так хорошо и быстро, но всё же он справился. Поблагодарив мастера и поклонившись, мальчик покинул помещение.

Курук

Курук был удивлён тем, с какой частотой мастер Мэй Фэн приходила отрабатывать свои "прогулы" в виде всё новых и новых мастер-классов. Прямо уж слишком зачастила... То своей магией воздуха всем мозги промывала (а кому-то задувало и в другие места), то провела тренировку по рукопашному бою, на которую Курук тоже сходил, ибо было интересно. А то теперь взялась за каллиграфию. И сколько ещё, интересно знать, у этой женщины было скрытых талантов? И ведь не подойдешь же прямо, не спросишь...

И если на магию воздуха, где будут опять запускать какую-нибудь ерунду в воздух, Курук не пошёл бы под страхом смерти, то на каллиграфию, которую он ждал очень и очень давно, пошёл с радостью. Конечно, личина мастера немного портила всю малину, уж недолюбливал её Курук, эту Мэй Фэн. Видимо, в каждый момент времени Курук просто обязан ненавидеть хотя бы одного человека на этой планете. И если на Лив ему уже было глубоко плевать, а любимая наставница, которая сейчас была у парня в немилости, попросту игнорировалась, то объектом вселенской злости и являлась эта пресловутая японка. Или китайка, черт их разберёт... Наверное, китайка. Всё-таки, Тибет находился не в Японии, японцам тут в принципе делать нечего... Ну или так - с большей долей вероятности можно встретить китайца, чем японца.

Собравшихся было не так много, среди них Курук опознал Киана. Да, этот паренёк определённо подавал надежды, частота посещений мастер-классов просто поражала Курука. И на рукопашке он с ним пересекался. Но да ладно. Курук сел на циновку в ожидании начала занятия. Блаженно закрыл глаза. Вспомнил, как его пытались приучить к каллиграфии Рина... И чем всё это веселье закончилось. Приходом сифу Конг с последующим отчитыванием Курука. А ещё, кажется, было одно занятие по каллиграфии с сифу Няо. Но помнил его Курук смутно. Там был Раф, и это самый главный недостаток того занятия. Жуть просто, он не успокоится, пока Рафу морду не набьёт...

Хотя, те часы, плавно перерастаемые в дни, а потом и в недели, проведённые за

изучением ментальной магии, давали свои плоды. Курук замечал за собой, что объектов его ненависти становилось всё меньше и меньше. Даже Мэй Фэн, мастер, о котором он сквернословил сегодня утром, сейчас, когда он сидел на циновке в Храме Будды, не бесила его. Остался только один человек - Раф. И хоть Курук уже не пересекался с ним добрых несколько лет, то ли сила, которой он теперь обладал, то ли ещё что-то заставляла его проучить раз и навсегда этого недоумка. Хотя, поди, сейчас ему уже столько лет... Наверное, он вырос и поумнел. Оно и к лучшему, господа!

Магия воздуха, похоже, издала последний всхлип и окончательно сдалась под напором ментальной магии. Вода приносила свою толику эмоциональности, но в целом Курук был парнем усидчивым и спокойным. Слишком флегматичным. А его блуждания в "астрале" в последнее время стали принимать опасный оборот... Он мог там застрять очень надолго. Недавно Курук даже эксперимент поставил - притворился спящим в беседке на берегу ручья, а на самом деле полужёжа думал. Не дремал, но думал. Потом посмотрел на часы - уже час прошёл, а он и не заметил.

Так и вся жизнь протекала - в думах...

Мастер начала-таки занятие, а Курук при виде знакомой чёрточки улыбнулся. Он уже когда-то в прошлом тренировался в изображении хэн на том же песке - новичкам не доверяли искусство письма на бумаге. Курук взял в руки палочку для письма на песке. Двадцать черт, при условии, что все они должны быть ровными. Если хотя бы одна кривая - переделывать всю работу. Куруку этот подход нравился. Он максимально тренировал его усидчивость.

Итак, начали. Одна черта. Парень сосредоточился на рисовании вертикальных палочек. Вторая... Он постепенно полностью погружался в это дело, и его вряд ли мог отвлечь какой-то посторонний звук, разве что кто-то внезапно бы чихнул. Третья черта... Мысли пошли гулять "налево", от полного сбивания концентрации предостерегало только то, что парень чертил хэн с открытыми глазами. Четвертая... На ум пришла Яшими и Анна Мишель Чарлстон, две девушки фанатеющие от каллиграфии. Вот же кому усидчивости не занимать! Кстати, он давно не видел Анну Мишель, а она ведь успела попасть в категорию тех, кто парню был дорог... Пятая черта. Сначала - рисование черты, потом думы тяжёлые. Всё сразу не получится. Иначе - переделывать придётся.

Курук специально никуда не торопился, ибо прекрасно помнил, чем этот нелепый поступок закончился с десяток лет тому назад. Ничем хорошим. Ещё и вспышки агрессии в конце. И наказание отрабатывать пришлось - полы мыть. Жуть да и только. Шестая черта. Ничего, всё будет хорошо, а ещё лучше, если Николай в обратку станет его лучшим другом. Седьмая черта. Эта новость раньше выводила Курука из состояния равновесия, и парню нужно было какое-то время, чтобы успокоиться. Сейчас он лишь чуть встрепнулся, улыбнулся чуть шире. Всё-таки, как хорошо, что он не пошёл в дальнейшее изучение магии воздуха. Восьмая черта. Хотя, поговаривали, что матёрые воздушники были вполне себе адекватными людьми, а самое главное - спокойными. Вон, взять хотя бы сифу Ньюо и сифу Адлер... Девятая черта. Но ментальная магия в любом случае давала больше плодов. Вообще, вся стихийная магия имела какой-то сугубо разрушительный характер. Да, десятая черта, с первым десятком покончено. Курук посмотрел на своё

творчество чуть поодаль и даже похвалил себя за такой труд. Ещё столько же - и он будет совсем молодцом.

Итак, стихийная магия. Она имела слишком разрушительную основу, её нельзя было применять в быту. Одиннадцатая черта. То ли дело магия ментальная или телекинез! Курук сейчас больше работал с магией разума, всё ж ему не терпелось достичь небывалых высот. Двенадцатая черта. Хотя, уносило иногда так, что он боялся, что вообще не вернётся из "астрала" в этот мир. И он много времени проводил в своём придуманном мире. Это тоже уже смахивало на патологию. Тринадцатая черта. Хотя, кто бы отказался иметь свой мир со своими правилами, где ты пребывал в нём единственным и неповторимым Богом? Четырнадцатая черта. Могущество... Оно не могло не привлекать. И власть над другими людьми. То, что было так недоступно здесь. Пятнадцатая черта. После каждой черты парень делал несколько вдохов и выдохов, продолжал свой мысленный монолог, потом отключал его на несколько секунд и чертил новую хэн. Оставалось совсем немного. Благо, что это всего лишь песок. В следующий раз он будет вполне готов чертить хэн на бумаге. Он тут недавно сделал одну весомую поправку в своём мире. Шестнадцатая черта. Там Шири полностью лишилась способностей. А ещё она уменьшилась во много раз и жила в бутылке, как джинн. Ей это жутко не нравилось, но что поделать? Куруку очень хотелось наказать властолюбивую наставницу, но в реальной жизни это было неосуществимо. Семнадцатая черта. А ещё она была чересчур наглой. И не захотела помочь своему ученику. Наверняка побоялась, что он обгонит её на поприще ментальной магии. Курук тяжело выдохнул. Восемнадцатая черта. Как там у других получалось, у Киана, у мальчиков? Он обязательно посмотрит, но потом, когда всё сделает сам. Или просто спросит у Киана по возможности. Девятнадцатая черта. Надо бы подумать тщательно, что Курук будет изучать в ближайшие дни. Он совсем недавно перешёл на качественно новый уровень владения ментальной магией, поэтому там новых успехов ждать было бессмысленным. Двадцатая черта. Другое дело - превращения или какой-нибудь там телекинез. Не такой уж у него и большой арсенал возможностей. Критически осмотрев всё своё творчество, парень пришёл к выводу, мол, годится. Он старался, знаете ли.

Курук поклонился мастеру и вышел из Храма. На его лице застыла блаженно-умиротворенная улыбка, как на лице святого. На душе было так легко и светло, словно всё ненужное было пропылесосено. И настроение такое прекрасное, захотелось сделать что-нибудь хорошее. Парень отправился на кухню, вдруг там могла понадобиться его помощь? Когда он вообще в последний раз совершал что-нибудь хорошее? И ведь по памяти не скажешь. Его уже давно в принудительном порядке не заставляли ничего делать по хозяйству, а сам он инициативу не проявлял. В Храме было полным полно учеников, вот их и запрягали, плюнув на Курука. Сеанс каллиграфии словно расставил всё на свои места, очистил разум, помог переосмыслить ценности. Это временно, и Курук это прекрасно понимал. Ему правда хотелось бы, чтобы такие занятия случались почаще. Он вообще-то любил помогать людям, просто иногда лень пересиливала все его альтруистические порывы...

Мэйлин Юн

О новой системе проведения занятий Мэйлин услышала краем уха и не очень

поняла, в чем ее смысл. Поэтому решила проверить все на собственном опыте и на так называемый мастер-класс по каллиграфии пришла по двум уважительным причинам - его вела наставница Мэйлин, которую та все еще по старой памяти считала своей наставницей, хотя давно уже не являлась ученицей или тем человеком, которому требовались мастерские наставления, и ей хотелось получше понять каллиграфию, которая ей пока не давалась по причине глубоко укоренившегося врачебного почерка, настолько неразборчивого, что иногда Мэйлин самой приходилось перечитывать написанное чтобы понять что она имела в виду. Над этой проблемой она билась давно и безуспешно, но надежд не теряла и попыток на исправление не прекращала.

- Сифу, - вежливо поздоровавшись перед началом мастер-класса, Мэйлин заняла одну из циновок перед ящиком с песком и сначала внимательно выслушала задание, а затем посмотрела на песок и пошевелила пальцами правой руки, разминая суставы и готовясь к работе. Привычно, как всегда перед тем, как нужно брать в руки скальпель. рука уже не дрожит от знакомого ощущения прохлады в тонких, но уверенных пальцах, она знает, что может оперировать, и, подобно Бергеру из "Искры жизни" может хоть сто, тысячу, миллион раз представлять себе операционную, она никогда не забудет, что ей нужно делать, чтобы спасти человеческую жизнь. Мэйлин взяла в руки палочку для каллиграфии, сегодня заменяющую кисть. "Хэн". Самое простое, что можно только придумать в каллиграфии, но одновременно и самое сложное, потому что закладка основных навыков начинается именно с этой внешне безобидной горизонтальной черточки. Мэйлин глубоко вдохнула, стараясь выкинуть из головы все посторонние мысли и не сразу заметила, что держит стэк как скальпель, а это было неправильным положением руки. Она поправила палочку и прикрыла глаза, сквозь ресницы рассматривая песок.

Песок. Человеческое тело. Хирургия. Тонкое искусство каллиграфии на человеческой коже. Глубокий вдох, рука опускается чуть вниз, едва касаясь концом стэка ровной поверхности - идеальной кожи этого песка, чуть усилить нажим, плавно вправо быстрым горизонтальным росчерком и снова усилить нажим, завершая иероглиф утолщением на конце, характерным для этого ключа. Хэн. Один. Начало положено.

Ты знаешь считалочку про лягушек? - вспомнила Мэйлин, улыбнувшись своим мыслям и словно бы почувствовав прикосновение теплой мужской ладони к своей непослушной руке. У одной лягушки...один - и снова нажим, горизонтальная линия, быстрая, но изящная, как мимолетное прикосновение любимых рук, едва ощутимое, под конец более сильное, уверенное, твердое, завершающее движение. Один. Единственный. Первый. У Мэйлин теперь это всегда будет ассоциироваться с хэн, Вэньхуа и лягушкой, у которой один рот, два глаза и четыре лапы. Время течет незаметно - все то время, пока Мэйлин, повторяя про себя детскую наивную считалочку про одну единственную лягушку, водит палочкой по песку, оставляя ровные горизонтальные линии одна за одной. Торопиться ей некуда, и это время Мэйлин тратит на себя, проверяя на усидчивость и терпение. Его ей не занимать и, когда рука внезапно поддается предательской дрожи, девушка не расстраивается, степенно разравнивает песок и принимается за работу сначала, снова нанося на поверхность песка горизонтальные ровные раны, разделенные равномерными промежутками. Работа захватывает ее, завлекая не хуже хирургического

вмешательства, и, когда выходит время, Мэйлин понимает, что хэн получилось больше, чем просто двадцать.

Мэй Фэн

Да уж, занятие вышло что надо. Мэй и сама далеко не с первого раза сумела выполнить собственное задание. Мысли, кажется, были далеко, и далеко не все из них способствовали ровным движениям руки и стека. Вообще, Мэй, конечно, уже не была той ветреной девочкой, какой она сбежала когда-то из отцовского дома, и совсем не была той безбашенной циркачкой, которая бралась и хваталась буквально за все, даже за то, чего побаивались опытные, прошедшие, что называется, огонь и воду, мастера. Но что бывает, то бывает - нахлынет вот так вот в медитативной тишине, так потом фиг отделаешься.

Когда занятие было закончено, Мэй вежливо попрощалась со всеми и осталась в зале поупражняться еще немного. За этим занятием она вовсе не заметила, как наступил вечер. Но это уже отдельная история.
